

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие · 9

Введение. Медиа и изменения · 11

О других медиареволюциях · 11; Каролингская реформа · 14
Промышленная революция и экономика знака · 19

ЧАСТЬ I. ГУТЕНБЕРГ ДО ГУТЕНБЕРГА · 25

Глава 1. Условия новой экономики медиа · 27

Пространство модерна: город · 27; Рынок образования · 44
Событие политики · 57

Глава 2. Экономика книги · 71

Производство рукописей · 72; Перемены: содержание · 82
Изменения: объекты и их практики · 89

Глава 3. Рождение рынка · 108

Рынок и его регулирование · 108; Религиозная парадигма
или выход на сцену больших масс · 116; Письмо: труд
и профессии · 131

ЧАСТЬ II. ВРЕМЯ «СТАРТАПОВ» · 149

Глава 4. Пути и принципы инновации · 151

Бумага и ее изготовление · 153; Ксилография · 160
Пуансоны и формы · 173

Глава 5. Гутенберг и изобретение
книгопечатания · 192

Исторический портрет города · 192; В Страсбурге · 201
Возвращение в Майнц · 210

Глава 6. Инновация · 227

Технологии: инновация процесса · 227; Практики · 234
Общество мастерских · 261; Изобретение графосферы · 284

ЧАСТЬ III. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ МЕДИА · 293

Глава 7. Книгопечатание завоевывает мир · 295

Распространение инновации · 295; Классификация городов · 314; Конъюнктура и специализации: рынок и инновация · 333

Глава 8. Природа текста · 362

Система-книга · 365; Смысл текста · 388
«Книга-машина» · 416

Глава 9. Крах медиа · 423

Новая парадигма: продукция и репродукция · 423
Реформация и печать · 440; Ограничения: порядок книг · 457; Печать и власть · 476

Заключение · 479

Хронологии · 479; Семиология и виртуальность · 482
Продукт и рынок · 485; Европа Гутенберга · 487

Список сокращений · 489

Анри-Жану Мартэну

Предисловие

Данная книга ставит своей целью предложить несколько ключей к пониманию медийной революции 2000-х годов путем изучения первой медийной революции, революции Гутенберга, произошедшей в XV веке. Речь идет скорее об эссе, чем о глубоком исследовании или полной эрудиции работе об изобретении книгопечатания, теме, которой посвящена гигантская библиография: как западные цивилизации перешли от одной системы коммуникации (устная коммуникация и рукописный текст) к другой (печать)? Как развивалось техническое нововведение и каковы были его последствия? Как изменение господствующего средства коммуникации повлияло не только на социальную структуру в комплексе, но также на абстрактные категории и способы мышления? Когда перед нами вырисовывается столь важное, а, возможно, даже более важное, чем мы думаем, изменение, необходимо разглядеть, каковы были в прошлом процедуры изменения, которыми сопровождалась явления того же порядка.

Мне не хотелось перегружать книгу библиографией сверх той, что приводится в примечаниях и включает в себя только те издания, к которым я напрямую и регулярно обращался в своей работе. Читатель при желании может найти дополнительную и гораздо более полную библиографию, касающуюся истории книги, на сайте Центра исследований истории

книги¹, где также предлагается иллюстративный материал, специально подготовленный для этого издания. С другой стороны, в некоторых примечаниях приводятся адреса сайтов в интернете, которые предлагают различные дополнения, в частности, иконографического порядка.

Я благодарю всех коллег и друзей, с которыми я имел возможность обсуждать темы, освещаемые в данной книге. Позволю себе выразить особую благодарность сотрудникам библиотек и архивов, которые я посещал годами, и порой сверх меры, как во Франции, так и в других европейских странах: Хесусу Алтуро (Барселона), Пьеру Акилону (Тур), Микелле Буссотти (Пекин), Максу Энгаммару (Женева), Сабине Журатич (Париж), Жану-Доминику Мелло (Париж), Матиасу Миделлу (Лейпциг), Иштавану Моноку (Будапешт), Филиппу Ньюто (Париж), Доменику Варри (Лион) и Жану Везэну (Париж). Я также очень признателен Национальному центру научных исследований и Институту современной истории² за то, что предоставили средства, позволившие провести исследования и довести их до завершения. Наконец, я хочу выразить глубокую благодарность слушателям моего выступления «История и цивилизация книги» в Практической школе высших исследований³, где был первоначально представлен для обсуждения ряд положений, развиваемых в данной книге.

1. <http://www.enssib.fr>, puis suivre les signets.

2. <http://www.ihmc.ens.fr/>.

3. <http://www.ephe.sorbonne.fr/enseignements/4livre.htm>.

ВВЕДЕНИЕ

Медиа и изменения

Я слаб рассудком и разумом,
я безумец в том, что полагаюсь
на большое множество книг. Я все
время желаю и вожделею новых
книг, содержания которых
не понимаю и в которых не смыслю
ничего [...]. Но книги украшают мой
дом, часто я довольствуюсь тем,
что открываю их, даже ничего в них
не понимая...

(Себастьян Брант, 1498)

О других медиареволюциях

ЕСЛИ двухтысячные годы, когда телекоммуникации и информация превратились в банальность, — эпоха очевидной «медиареволюции», с точки зрения историка, это не первая подобная революция: другие эпохи тоже были отмечены глубокими изменениями в системах социальной коммуникации. Если говорить о письменной коммуникации, два ключевых периода — это XV век, когда было изобретено книгопечатание (типографии с подвижными литерами), и XIX век, когда Промышленная революция распространилась на печатание книг и периодических изданий и появились книжные магазины для массового читателя¹. В каждую из этих

1. Trois révolutions, passim. CNAM, passim. DEL, passim. *Eisenstein E.* La Révolution de l'imprimé à l'aube de l'Europe moderne. Paris, 1991. Incunabula and their readers. Printing, selling and using books in the 15th century, London, 2003.

эпох общая схема коммуникации оказывалась перевернута, а современники чувствовали, что живут в период разрыва, который позволит им подняться на более высокую ступень в развитии цивилизации. Гуманисты шестнадцатого века с презрением отнеслись к традиции средневекового мышления, понятие Средних веков со всеми его негативными коннотациями — это по сути дела их «изобретение». В конце XVIII века Кондорсе в свою очередь представил прогресс и распространение Просвещения через книгопечатание как то, что вводит человека в новый период его истории, век триумфа рациональности, а, следовательно, всеобщего счастья. Утопический дискурс не является исключительной чертой перемен прошлого, и этот феномен повторяется в двухтысячные годы, начиная с Доклада Норы-Минка (1978) и заканчивая теоретиками революции медиа, согласно которым нынешний технический прогресс открывает возможность мощного расширения и усиления циркуляции знания и в то же время нового образа действий, для которого характерны мгновенная передача и обработка информации.

Наш первый тезис состоит в том, что в западной цивилизации существовали и другие медиареволюции: то, что мы будем называть «революцией Гутенберга», в середине XV века потрясло основы функционирования обществ, которые она затронула и некоторые из которых сразу же пережили феномен массовой медиатизации. Второй тезис, который будет рассмотрен, касается самой природы изменений. Ядро изобретения Гутенберга связано с техникой, и термин «революция», имеющий самое широкое хождение, имплицитно делает акцент на новизне и неожиданности. Книгопечатание завершило готическую эпоху и дало начало иному периоду, который будет называться Возрождением и для кото-

рого характерны особые отношения одновременно и с классической античностью, и с модерном — сам термин «moderne» появляется во французском языке в XV веке. Изобретение Гутенберга имеет важнейшие последствия для развития западных обществ, но и сам прорыв становится возможным благодаря ряду предшествующих изменений и феноменов. Чтобы инновации могли получить практическое применение и широкое распространение, необходима их жизнеспособность не только в техническом, но и в экономическом плане: наличие соответствующего спроса, условий производства и распространения для его внедрения.

Именно этот переход из одного состояния в другое мы хотим представить в виде трехэтапной схемы: медленное восхождение, которое ускоряется, пока не достигнет кульминации, апогей изобретения, затем постепенное развитие его собственных последствий и последствий его присвоения все большим числом людей. Это развитие дает о себе знать только в среднесрочной перспективе, по прошествии двух или даже трех поколений после Гутенберга, но его последствия намного глубже — намного современнее, — чем принято думать. Иначе говоря, и если воспользоваться игрой слов, существует эпоха изменений, предшествующая Гутенбергу, эпоха «Гутенберга до Гутенберга», но есть также и эпоха резонанса после Гутенберга, когда использованы еще не все возможности изобретения и не все его последствия осмыслены. Само изобретение знаменует разрыв, он будет рассмотрен в более широкой временной перспективе, которая, во-первых, сделала возможным сам этот прорыв и, во-вторых, позволила использовать все его потенциальные возможности — открыть дорогу новым эволюционным изменениям.

Центральный тезис касается структурирующей роли медиа: модерн являет себя в новом статусе текстов и радикального изменения их содержания, которое особенно заметно в области науки, но понять эти феномены можно только через изучение трансформации господствующего медиа. Условия функционирования печатной книги, включая связанные с ней практики, обрамляют и всесторонне направляют построение дискурса и моделей, лежащих в основе самого этого производства.

Каролингская реформа

Если речь идет о письменности и о книгах, истоки изменений, происходивших в Западной Европе, лежат на рубеже первого тысячелетия, когда кривые роста населения и экономики начинают сначала колебаться, а затем резко меняются. До эпохи Каролингов оставалась прямая связь с римской античностью: памятники по большей части сохранились, художники следуют греко-латинским образцам, переписчики воспроизводят дошедшие до них рукописи и сама манера письма больших каролингских скрипториев опирается непосредственно на латинское письмо². Независимо от того, был ли он исторически обусловлен или нет, политический проект Карла Великого и его окружения в Ахене — восстановить Империю Запада в форме христианской Империи под руководством императора и епископа Рима — становится понятен именно в этой перспективе. Его крах знаменует собой переход к другой

2. *Marichal R.* L'écriture latine et la civilisation occidentale du Ier au XVIIe siècle // Histoire et art de l'écriture. Paris, 2005, p. 650–700.

эпохе, которая не столь непосредственным образом связана с античными образцами, но ориентирована уже на построение совершенно оригинальной цивилизации — цивилизации классического Средневековья. Именно раздробление Каролингской империи открывает дорогу к радикальным изменениям и, парадоксальным образом, к возникновению инноваций.

Проект каролингской реформы предполагал условия, которые не сошлись вместе. Необходимо было понятие «общего дела» («*res publica*») одновременно с материальными средствами, которые обеспечили бы независимость суверена и интеграцию подчиненных ему территорий. Ибо королевство по-прежнему воспринимается как частное владение, завещаемое монархом своим наследникам, между которыми оно будет разделено после его смерти: Каролингская империя переживает раздробление с IX века, оставляя после себя крупные территориальные единицы, каковыми являются Западно-Франкское королевство, Лотарингия и Восточно-Франкское королевство. На Западе за неимением достаточных инструментов интеграции реальная власть рассредоточивается среди множества местных и региональных правителей, тяготеющих к автономии, в результате чего общее политическое, экономическое и культурное пространство разваливается. Раздробленность еще больше усиливается из-за набегов сарацин, венгров и особенно норманнов: первый такой набег отмечается в 799 году, пираты опустошают Фрисландию, затем берега Ла-Манша, поднимаются вверх по рекам (разграбление Шартра в 857 году, Кёльна — в 881-м, осада Парижа в 885-м...) и обосновываются в Нормандии (911), откуда отправляются завоевывать Англию (1066). Не суверен, далекий и зачастую бессильный, но только местные власти, граф

и епископ, в состоянии организовать и эффективно координировать защиту. В конечном итоге начинается подъем феодализма и приоритет начинает отдаваться личным связям, связям сюзерена с его собственными вассалами и вассалами, подчиняющимися его вассалам. Суверен, несмотря на священный характер своего статуса, в действительности является персонажем, восседающим на вершине феодальной пирамиды.

С V века по конец X века распространение книг на Западе оставалась практически ограничено одним только миром церкви — до такой степени, что даже сам термин «клерк», или «клирик» («clericus»), первоначально обозначавший духовное лицо, приобретает значение грамотного и ученого человека. Именно церковь в V веке, когда государственные и административные рамки распались, становится наследницей Римской империи и обеспечивает сохранение и передачу античной культуры. В Галлии аристократия конца Империи и самого Высокого Средневековья — это аристократия христиан, владеющих высокой античной культурой: вспомним Сидония Аполлинария или же одного из преемников Мартина Турского на его посту в Туре, Фортуната. Скриптории и библиотеки организуются при монастырях и школах некоторых кафедральных соборов. Все тексты написаны на латыни и в них преобладает религиозное содержание: Библия, переведенная на латынь Иеронимом Стридонским в конце IV века (Вульгата), сочинения Отцов Церкви, жития святых и мучеников, иные книги для богослужения. Сюда нужно добавить тексты, дошедшие из классической античности, и тексты каролингских и прекаролингских авторов.

Элементом первостепенной важности является языковое многообразие, сложившееся в IX веке:

классическую латынь понимает и использует небольшая группа образованных людей, тем не менее она остается, в более или менее деградировавшей форме, языком Церкви, государственного управления и письменной культуры. Отныне все больше людей говорят на народных языках, романские языки используются на территориях, бывших под римским владычеством, германские — там, где захватчики живут в большинстве. Однако народный язык вплоть до конца первого тысячелетия ограничивается сферой устного общения: имеющиеся у нас письменные свидетельства, самые ранние из которых датируются IX веком, сводятся к очень редким случайным текстам. Нововведения приходят из пограничных зон: «Страсбургские клятвы» были даны в 842 году именно в этом ключевом для античного лимеса городском укреплении. Скопированные около 870 года в конце одной латинской рукописи «Секвенция о святой Евлалии» и «Песня о Людовике» («Ludwigslied») пришли с другой границы — из региона, расположенного между Фландрией и Эно³. В Англии король Уэссекса Альфред Великий (ум. 899) заказывает переводы латинских классиков на местное наречье, а в Великой Моравии Кирилл и Мефодий создают алфавит, адаптированный к языку славянских народов, которым они проповедуют (IX век). Они переводят Библию на славянский язык и ведут на нем богослужения. Снова и снова мы будем сталкиваться с парадоксальной ролью пограничных территорий или удаленных от центра регионов, которые априори можно было бы счесть находящимися в более невыгодном положении.

3. La Cantilène de sainte Eulalie, Valenciennes, 1990 (et: <http://www-01.valenciennes.fr/bib/decouverte/histoire/cantilene/transcription.htm>).

Начавшаяся во второй половине VIII века работа каролингских скрипториев, вслед за скрипторием Мартина Турского, знаменует собой важный этап в истории письменности, идет ли речь о восстановлении классической латыни, изобретении новой разновидности письма, «каролингского минускула»⁴, выработки принципов составления оригинальных или копийных книг, расположения текста на страницах. Конечная цель — реформирование Церкви, которое позволит располагать духовенством достойного уровня и укрепить структуру имперской власти. Центральная роль отведена маленькой группе, сложившейся вокруг императора в Ахене: родившийся около 743–745 годов в Баварии Лейдрад служит дьяконом во Фрайзинге (созданная в 739 году епархия), где он занимается развитием библиотеки и скриптория под руководством епископа Арбео (764–784). В 782 году его призывают в школу при Ахенском дворце, где он знакомится с Алкуином, Теодульфом, Бенедиктом Анианским и другими. Посланный в 796 году епископом в Лион для проведения реформы диоцеза, он создает там школу канторов и школу чтецов, разворачивает активную деятельность скриптория, реорганизует капитулы различных церквей, реставрирует аббатство на острове Барб... Возглавив в 796 году монастырь св. Мартина в Туре, Алкуин (ум. 804) также берется за реорганизацию местной школы и скриптория, чтобы сделать из них ведущий интеллектуальный центр Империи. И снова мы наблюдаем, как провинция становится привилегированным местом. Лейдрад — баварец, Алкуин родом из Англии (Йорк), а Теодульф — из вестготской Испании. Как аббат Флёр и епископ Ор-

4. Генеалогия письменности уточняется в: *Muzerelle D. Gothique*//DEL, 2.

леана Теодульф реорганизует монастырскую школу и устраивает при библиотеке скрипторий. В X и начале XI века в аббатстве Флёри сменяют друг друга фигуры крупных интеллектуалов⁵: Одон Ключийский, Герберт Орильякский, Аббон Флёрийский, аббат Гозлен Флёрийский, будущий епископ Парижа. Помимо монастырей существовали и другие интеллектуальные центры, например, школы при некоторых кафедральных соборах. В могущественном городе-крепости («oppidum») Лане создается школа, в которой главную роль играют ученые, переехавшие с Британских островов вслед за Иоанном Дунсом Скоттом (приблизительно до 870 года). Тут же располагается замечательная библиотека, особенно известная своими рукописями на древнегреческом языке. Гораздо позднее, уже на рубеже XI–XII веков, Лан снова прославится преподаванием Ансельма Ланского, учителя Гильома из Шампо и оппонента юного Абеяра...

Промышленная революция и экономика знака

Хотя оценки численности населения в Средние века остаются гипотетическими, можно выделить основные элементы динамики, которая все сильнее ощущается после тысячного года: в ее основе лежит изменение демографического положения, которое сопоставляется с развитием экономики. Именно в этой системе координат выстраивается траектория развития письменной культуры. На рубеже X и XI веков

5. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2003. *Де Либера А.* Средневековое мышление. М.: Праксис, 2004.

ситуация меняется, и Западная Европа переживает определенный подъем: около 1100 года на континенте всего 40 миллионов жителей, но к 1300 году их уже почти 75 миллионов. В XI веке Францию населяло около 6 миллионов жителей, а по оценкам «Состояния приходов и дворов» (*État des paroisses et des feux*), составленного по распоряжению короля в 1328 году, королевство, на тот момент самое густонаселенное в Европе, насчитывает уже 16–17 миллионов жителей. В период с 1087 года по конец XV века население Англии вырастает с 1,3 до 3,4 миллионов. И когда Рауль Глабер говорит о «белом покрывале церквей», покрывшем Западную Европу в XI веке, он свидетельствует о росте численности и укреплении поселений.

Но за прекрасным XII столетием и апогеем XIII века следуют более тяжелые времена: начиная с 1340-х годов (иногда раньше, с 1270 года в Кастилии), мы отмечаем демографическое плато, а затем резкий спад, который приведет к тому, что около 1400 года население будут составлять уже менее 50 миллионов жителей. К природным катастрофам (чума в период 1347–1350 годов унесла жизни, по крайней мере, 30% населения Европы, а в наиболее незащищенных городах, например, в средиземноморских портах, даже 50%⁶) добавляются бесконечные войны, прежде всего Столетняя война (длящаяся, в совокупности, с Битвы при Креси 1346 года до Битвы при Кастийоне 1453 года). Кризис еще больше усугубляют бунты, голод, беспорядки и постоянная нестабильность. Рост возобновится только в XV веке, но только к его концу численность населения достигнет уровня 1300 годов (более 80 миллионов жителей).

6. См. карту, перепечатанную в: *Delumeau J. La Civilisation de la Renaissance. Paris, 1984, p. 71.*

И хотя в итоге мы наблюдаем низкую плотность населения, частые кризисы, усугубленные регулярным возвращением эпидемий чумы, общая динамика становится все же более благоприятной.

Демографический рост, каким бы хрупким он ни был (как покажет кризис XIV века), стал возможен благодаря прогрессу в сельском хозяйстве, транспорте и торговле. В целом преобладание остается за первичным сектором, но сельский мир переживает глубокие перемены. В XI и XII веках происходит освоение новых пахотных земель и начинают применяться новые технологии как в сельском хозяйстве, так и в некоторых видах переработки: водяные, а затем и ветряные мельницы используются для помола зерна, в текстильном производстве и кузнечных цехах и, наконец, в производстве бумаги. В Англии в «Книге Судного дня» 1085–1087 годов насчитывается уже более 5600 мельниц:

[Мельница], изобретенная для того, чтобы молоть зерно, вскоре начинает использоваться и для других целей: чтобы давить кору для дубильщиков, орехи и оливки, минералы и свежесотканное полотно, добываясь большей его плотности...⁷

Внедрение инноваций подстегивает развитие, которое обычно ускоряется путем накопления: это «первая промышленная революция Европы» (Фернан Бродель), революция лошадей и мельниц, которая произошла в XI–XIII веках и позволила накормить большее число людей⁸. Рост производства и населения происходят одновременно.

7. *Lorcin M.-T.*, *Société et cadre de vie en France, Angleterre et Bourgogne (1050–1250)*. Paris, 1985, p. 31.

8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. *Время мира*, с. 470.

Вдобавок к изменениям, которые затрагивают сельский мир, фундаментальные изменения наблюдаются и во второй области, имеющей решающее значение для нашей темы. Увеличение населения запускает процесс его уплотнения и географической интеграции, одновременно усиливая процессы коммуникаций и товарообмена. Если на местном и региональном уровнях мы по-прежнему имеем дело с принципом бартера товаров и услуг, на более высоком уровне все происходит совершенно иначе. В судостроении в XIII–XIV веках одна за другой возникают важные инновации: изобретение руля ахтерштевня, усовершенствование парусов и компаса. Открываются новые морские пути, а грузоподъемность судов резко увеличивается — хольк и галера загружаются до 300 тонн, а испанская карака — до 1000 тонн. Как следствие, порты нуждаются в перестраивании, а инвестиции, позволяющие вести крупные коммерческие операции, вырастают, что влечет за собой появление новых финансовых технологий. Политическое развитие и поступательное формирование государства Нового времени тоже требуют увеличения финансовых средств.

Письменность находится в самом центре наиболее значимых явлений. Практики управления приводят к изобретению в Италии бухгалтерского дела (бухгалтерский учет по методу двойной записи вводится в конце XIII века) и эффективных инструментов денежного обращения (переводной вексель, система кредитования). Бухгалтерский учет Нового времени основан на разработке очень точных процедур расчетов, ведении целого ряда счетов, а также на создании специализированных бухгалтерских книг. Мобилизовать и использовать значительные капиталы также позволяет прогресс денежной экономики и рост банков. В тот момент, когда заново

открытое учение Аристотеля поддерживает развитие новой теории репрезентации и знака, экономические и финансовые операции, даже политическое действие, кажется, все больше вырастают из экономики письменного знака и методов обращения с ним. Изобретение Гутенберга появляется в мире, переживающем активную модернизацию, но и оно само дает этому процессу средства для принципиально нового развития.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru